

Танака Такэюки

Предвзятое мнение о Кокурюкай (Общество реки Амур)

Среди распространенных исторических мифологем о политической жизни довоенной Японии немалое место занимает откровенно предвзятое мнение о деятельности общества Кокурюкай, название которого было принято переводить за границей как «Общество черного дракона». Это красиво, но неверно по сути, поскольку это название должно переводиться как «Общество реки Амур» или «Амурское общество». Как и почему это произошло?

Заметную роль в формировании таких представлений сыграл канадский дипломат и исследователь истории Японии Герберт Норман, который после окончания Второй мировой войны был переведен из Министерства иностранных дел Канады в Штаб оккупационных войск в Японии. Присмотримся повнимательнее к этой фигуре. Норман родился в 1909 г. в Каруидзава (преф. Нагано) в семье канадского миссионера. По возвращении в Канаду он поступил в университет Торонто и увлекся идеями социализма. Вскоре Норман получил широкое признание как специалист по истории Японии, а его суждения оказали большое влияние на оценку исторических событий Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ), заседания которого начались в Токио весной 1946 г. Норман также был консультантом трибунала при определении причастности тех или иных лиц к «военным преступлениям».

Канадский историк категорически осудил как «реакционное» общество Гэнъёся (Общество черного океана), которое после *Мэййдзи исин* (1868 г.) сопротивлялось господству в правящей элите могущественного союза Саттё² и вместе с «движением за свободу и народные права» (*дзю минкэн ундо*) выступало за реформы и пересмотр неравноправных договоров с иностранными державами. Столь же «реакционным» Норман называл и Кокурюкай, тесно связанное с Гэнъёся. Он утверждал, что «возникшие вслед за этими обществами многочисленные организации сыграли особую роль зачинателей политики продвижения

Японии на материк; внутривластная же их роль заключалась в том, чтобы, вооружившись патриотической идеей борьбы со всем иностранным, отравлять общественное мнение. Таким образом, они оказывались проводниками идей политиков, которых по сути дела и замещали»³.

Занявший свой пост в Штабе оккупационных войск в Японии как раз в тот период, когда их командование приступило к роспуску «неудобных» политических партий и организаций, Норман писал о Гэнъёся и Кокурюкай, что «одни только их названия»⁴ уже свидетельствуют о притязаниях на заморские территории, поэтому есть основания считать намерения их членов экспансионистскими». Он особо отметил, что оба этих общества создавали для деятельности за пределами Японии «дочерние» организации, которые занимались разведкой среди гражданского населения в разных регионах Восточной Азии. Ученый утверждал, что «эти организации, строго говоря, не были ни тайными, ни массовыми, а опирались на элиту. <...> Люди из Гэнъёся и Кокурюкай принадлежали к числу тех, чье влияние в течение последних 50 лет в истории японской политики было наиболее неблагоприятным». Подвергая резкой критике Гэнъёся и Кокурюкай, Норман сделал вывод: «Обе эти организации продолжали свою деятельность во время войны на Тихом океане и оставались закулисной силой, несмотря на частичную потерю влияния»⁵.

Руководствуясь характеристиками и выводами Нормана, командование оккупационных войск 4 января 1946 г. отдало распоряжение о роспуске 27 политических организаций, в первую очередь Гэнъёся и Кокурюкай. Приказ был приведен в исполнение: общества распущены, их документы, архивы, земли, недвижимое и прочее имущество конфискованы. Десятый председатель Гэнъёся Синдо Кадзума и второй глава Кокурюкай Кудзу Ёсихиса были включены в список военных преступников категории «А» и заключены в токийскую тюрьму Сугамо.

Данное канадским историком определение Гэнъёся и Кокурюкай как «авангарда японского империализма» стало причиной того, что сегодня многие ученые в Японии и за её пределами, рассуждая об этих обществах, не проводя собственных разысканий, некритически пользуются оценками Нормана, которые искажают действительность. Для автора настоящей работы – как историка и как правнука основателя Гэнъёся Хираока Котаро, связанного родственными узами с основателем Кокурюкай Утида Рёхэй, – это очень прискорбно.

³ Хабато Норуман дзэнсю. (Полное собрание сочинений Герберта Нормана). Токио, 1977, т. 2, с. 3.

⁴ Название Гэнъёся происходит от названия пролива Гэнкай, отделяющего остров Кюсю от Кореи (прим. пер.).

⁵ Хабато Норуман дзэнсю, с. 367–368. Работа Нормана: *Norman E. The Genyosha // Pacific Affairs. Vol. XVII, 3 September 1944* – во многом была основана на вышедшем в 1934 г. в Нью-Йорке переводе книги *О. Танина и Е. Иогана* (О. С. Тарханова и Е. С. Иолка) «Военно-фашистское движение в Японии». М., 1933. (Прим. пер.).

¹ Статья написана специально для настоящего издания. Авторизованный перевод с японского М. П. Герасимовой и В. Э. Молодякова (Прим. ред.).

² Саттё (Союз Сацума и Тёсю) – союз представителей автономных кланов Сацума и Тёсю в конце периода Эдо с целью свержения сёгуната Токугава и восстановления прямого императорского правления (Прим. пер.).

В работах Нормана деятельность Кокурюкай оценивалась в таких выражениях: «старые методы ку-клукс-клана времен войны Севера и Юга в США – создание империи, не знающей власти закона, путем угроз и насилий, вплоть до убийств из-за угла»⁶. Эта картинка с подачи Нормана нашла широкое распространение в Европе и Америке, однако она совершенно не соответствует фактам.

Истинный характер Кокурюкай

Общество Гэнъёся во главе с Хираока Котаро было создано в декабре 1879 г. группой бывших участников борьбы за восстановление императорского правления в период *бакумацу* (1853–1867 гг.) в провинции Тикудзэн (западная часть современной преф. Фукуока). Многие из них были причастны к Сацумскому восстанию 1877 г. под руководством Сайго Такакори, который хотел довести до конца «реставрацию Мэйдзи» в условиях монополии на власть клики Саттё, но им удалось избежать казни или смерти в бою. Таким образом, Гэнъёся – это общность людей, объединенных не только кровным родством, узами землячества или политическими взглядами, но и стремлением к сохранению единства и взаимопомощи, которые сформировались в ходе их участия в борьбе за восстановление императорского правления. Гэнъёся было не единственной организацией такого рода. Общество участвовало в широком «движении за свободу и народные права», которое выступало за пересмотр неравноправных договоров, за создание парламента и расширение возможностей для ведения политической деятельности. Действия Гэнъёся можно сравнить, например, с деятельностью партии Рисся в провинции Тоса (преф. Коти) и даже с отдельными элементами политики клики Саттё. Гэнъёся – это не клика, стремившаяся к власти чтобы использовать ее в личных интересах. Ключевыми фигурами этого общества были такие известные и влиятельные в стране люди, как Хираока Котаро, Тояма Мицуру, Синдо Кихэйта, Накано Сэйго, Огата Такэтора. Члены Гэнъёся принадлежали к миру политики и финансов, и в силу их многих достижений создавалось превратное впечатление об обществе как о некоем тайном союзе.

3 февраля 1901 г. Утида Рёхэй – член Гэнъёся и племянник Хираока Котаро – создал общество Кокурюкай, ядро которого составляли члены Гэнъёся.

В то время Гэнъёся по большей части состояло из людей, родившихся в самом начале периода *бакумацу* или ранее, объединенных идеей борьбы за восстановление императорского правления, а также зачастую связанных узами землячества или крови. Кокурюкай широко распахнуло двери желающим вступить в него. Его основатели Утида

Рёхэй и Кудзуу Ёсихиса родились в 1874 г., Такэда Норуюки в 1863 г., Гондо Сэйкё в 1867 г. Они принадлежали к так называемому второму поколению борцов за народные права. Членами правления новой организации также стали Иноуэ Масадзи, Танабэ Ясуносукэ, Наканиси Масаки близкие к обществу Тоадобункай (Общекультурная ассоциация Восточной Азии). Оно было создано в 1898 г. для «улучшения испорченных войной (1894–1895 гг.) отношений между Китаем и Японией» и для укрепления позиций Японии на континенте⁷. Деятельность Кокурюкай поддерживали влиятельные деятели Гэнъёся и «движения за свободу и народные права»: Хираока Котаро, Хираока Цунэдзиро, Тояма Мицуру, Инукаи Цуёси (будущий премьер-министр), Хатояма Кадзуо, Ои Кэнтаро, Коно Хиронака, Накаэ Тёмин и другие.

Очевидно, что уже в начале своей деятельности Кокурюкай не было тайной организацией, а в ее создании принимали участие люди, которые занимали высокие посты и играли ведущую роль в разных сферах жизни тогдашнего общества.

При Кокурюкай был создан издательский отдел, выпускавший журналы «Кокурю» («Амур»), «Найгай дзидзи гэккан» («Ежемесячник о событиях внутри страны и за её пределами»), «Адзиа дзирон» («Азиатское обозрение»), «Тоа гэппо» («Восточная Азия») на китайском языке и «The Asian Review» на английском языке. Общество выпускало много книг и брошюр, посвященных современным проблемам региона, и увековечило свою историю в ряде официальных изданий, включая трехтомник «Биографические материалы о первых патриотах в Восточной Азии» под редакцией Кудзуу.

Если подробно и непредвзято ознакомиться с программными документами Кокурюкай и выпущенной им литературой, с мнениями и суждениями членов общества, многое станет понятно. Прежде всего, то, что эта организация и её деятельность не имели ничего общего со «старыми методами ку-клукс-клана», о которых писал Норман. Исследователи могут убедиться в этом сами, обратившись к 11 томам «Документов Утида Рёхэй» и к 10 томам «Документов Кокурюкай», выпущенных издательствами «Фуё сёбо» и «Касива сёбо» в первой половине 1990-х годов. Было бы желание.

Происхождение названия Кокурюкай

Напомню, что входящие в название общества иероглифы *коку* (черный) и *рю* (дракон) вместе образуют японское название реки Амур – Кокурю. В автобиографии Утида Рёхэй свидетельствовал: «Название общества порождено мыслью о материке, в центре которого протекает

⁶ Хабато Норуман дзэнсю, с. 228.

⁷ Кокурюкай кайхо. Вып. 1 (1901), с. 121. Репринтное воспроизведение: Хакки Кокурюкай кайхо. 1–2 сю. (Запрещенный «Информационный бюллетень Кокурюкай»). Вып. 1–2). Токио, 1989.

река Кокурю, посредине Сибири и Маньчжурии»⁸. «Название нашего союза, – пояснил он в другом месте, – происходит от местности, где ветер созывает облака над рекой, от местности, которую, как мечту, увидел наш отважный воин. Однако англичане перевели его как «Черный дракон» и в подписях к фотографиям, отражающим нашу деятельность, пишут именно так. <...> Это всё равно, как если бы мы стали называть Кэмбридж – Кэнкё (Мост мечей), а Оксфорд – Усидзу (Переправа быков), потому что записываем их иероглифами, которые читаются как *кэнкё* и *усидзу*. На самом деле *кокурю* – это река Амур»⁹. Добавлю, что на выпущенных Кокурюкай в марте 1904 г. «Новых картах Манчжурии и Кореи» значилось по-английски «Amur Association».

Утида Рёхэй и изучение русского языка

Интерес к Сибири и Маньчжурии у основателя Кокурюкай Утида Рёхэй зародился во время его пребывания в Сибири, где он провел много месяцев, переезжая с одного места на другое. 17 августа 1897 г. он выехал из Владивостока на запад и вернулся туда лишь в середине июня 1898 г. Придя к выводу, что «изучающих дружественные Китай и Корею достаточно много, но нет ни одного изучающего Россию», Утида решил, что «займется этим сам»¹⁰, и поступил в школу русского языка при обществе Тохокёкай (Восточное общество).

Эта организация была создана в январе 1890 г. в Токио по инициативе членов Гэнъёся Фукумото Макото, Одзава Кацуо и Сираи Ситаро, а возглавил его Соэдзима Танэоми. Своими задачами оно провозгласило академическое изучение вопросов, связанных с Россией, а также широкое исследование современной ситуации в Азии. Общество отправило во Владивосток Инамасу Кадзуёси, который регулярно сообщал оттуда о положении дел.

В январе 1892 г. Восточное общество открыло в токийском районе Канда-Нисикитё школу русского языка, директором которой стал Такахаши Кэндзо. В нее сразу записались около 80 человек. Занятия в школе проводились в вечернее время, чтобы их могли посещать работающие люди или студенты других учебных заведений¹¹.

Путешествие Утида Рёхэй по Сибири

В апреле 1895 г. в результате Тройственного вмешательства России, Франции и Германии Японии пришлось согласиться на пересмотр Симо-

носекского мирного договора, завершившего японско-китайскую войну 1894–1895 гг., и вернуть Китаю Ляодунский полуостров, передача которого была закреплена этим договором. Общественное мнение с сожалением говорило о слабости Японии, уступившей давлению России и других великих держав. Так появился лозунг «Претерпеть лишения во имя высокой цели» – укрепить мощь страны и восстановить ее права.

Именно Тройственное вмешательство побудило Утида отправиться в Сибирь. В автобиографии он зафиксировал свои настроения той поры: «Японско-китайская война благодаря убедительной победе нашей армии принесла Японии Тайвань и Ляодунский полуостров. Однако в результате Тройственного вмешательства Ляодунский полуостров пришлось вернуть Китаю, что не может не вызвать негодования. Прежде всего, я собираюсь изучить внутреннее положение России и отомстить. Я принимаю решение поехать в Сибирь»¹².

В том же году будущий основатель Кокурюкай отправился во Владивосток, где узнал, что Россия собирается протянуть Транссибирскую железную дорогу по Маньчжурии. Захотев увидеть всё своими глазами, Утида решил морем добраться до Порт-Артура, для чего на немецком судне «Вэллокс» направился в Чжифу и нанял джонку до Порт-Артура. Во время плавания погода испортилась, путешественники потерпели крушение и были вынуждены пристать к берегу в Вэйхайвэй, откуда упорный Утида все же добрался до Порт-Артура, а затем до Инкоу. Дальше в Маньчжурию его не пропустили китайские власти. Вынужденный вернуться в Чжифу, а в январе 1896 г. в Фукуока, он задумал всё повторить заново.

В феврале 1896 г. Утида снова во Владивостоке. Он арендовал дом, устроил зал для занятий дзюдо и начал проводить тренировки, обучив десятки человек. Настроение, испытываемое им в то время, выражено в следующих словах: «Я обучаю молодых людей дзюдо, но в действительности я замыслил изучать Россию»¹³.

В первой декаде октября 1896 г. Утида поручил прибывшему из Японии другу и единомышленнику Кусумото Масатэцу заняться изучением ситуации в приграничных районах трех стран – России, Кореи и Китая. Чем привлёк его этот регион? «Если дело дойдет до того, что японские силы займут Корею, то ее северная часть станет предметом споров между тремя странами – Россией, Японией и Китаем. Поэтому необходимо изучать пути для возможного контроля действий России и Китая»¹⁴. В середине июня 1897 г. Утида осмотрел район от залива Посьета до Янчихе и Думана и в последней декаде июля вернулся во Владивосток.

⁸ Утида Рёхэй. Косэки годзюнэнпу. (Полвека твердости). Токио, 1978 (впервые: 1927), с. 82. Это один из важнейших источников по данной теме.

⁹ Цит. по: Кинсэй кайдзин дэн. (Биографии выдающихся людей Нового времени). Токио, 1995, с. 201.

¹⁰ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 15.

¹¹ Тоа сэнкаку сиси кидэн. (Биографические материалы о первых патриотах в Восточной Азии). Т. 1, Токио, 1933, с. 420.

¹² Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 30.

¹³ Там же, с. 32.

¹⁴ Там же.

Полагая, что «для понимания действительного положения дел на месте, к чему бы это ни относилось, – к восточной России, Порт-Артуру или приграничным районам трех государств, необходимо, прежде всего, досконально изучить ситуацию в европейской части России»¹⁵, Утида 17 августа 1897 г. отправился из Владивостока в Санкт-Петербург. В этот день он написал танка о природе необъятной Сибири – о том, что «забываешь себя, глядя на бескрайние просторы»¹⁶.

Десять тяжелых месяцев, включая период сильных холодов, ушли на то, чтобы проделать долгий путь по маршруту: Владивосток – озеро Байкал – Иркутск – Санкт-Петербург – Сретенск – Владивосток. Рассказы Утида Рёхэй о том, как он пересекал Сибирь, напоминают фильм о необыкновенных путешествиях, в них множество эпизодов, достойных романа или кино, но здесь их, к сожалению, придется опустить. Его путевые заметки появились в четырех номерах первого тома журнала «Кокурю» (август–ноябрь 1901 г.), причем главы отсылались в редакцию по мере написания, еще до завершения всей работы. Описание сибирского опыта содержится также в автобиографии Утида, вышедшей в 1927 г. и переизданной в 1978 г.

В письме к дяде Хираока Котаро из Сретенска Утида писал: «Освоение Россией дикой сибирской тайги не столь далеко от того, как это представляется японцам. Это действительно внушает трепет. Если всё будет оставаться в таком же положении лет десять, прямо над Японией нависнет мощное государство. Китай, конечно, падет. Слабая Корея и ей подобные не могут быть партнерами России. Очевидно, что Японии может ждать участь Кореи или Китая». Таким образом, Утида предостерегал от продвижения в Сибирь и в то же время выразил сожаление о том, что у японцев нет интереса к России: «Наш народ не думает о России, нет людей, которые посвятили бы свою жизнь решению проблем, связанным с Россией, они только охают, что, дескать, Японии скоро придет конец». «Однако нет толку в том, чтобы сидеть и горевать, – заключил он. – Я окончательно решил посвятить свою жизнь проблемам, связанным с Россией»¹⁷.

Изменение мнения Утида Рёхэй о России

В марте 1898 г. Утида прибыл в Санкт-Петербург. К этому времени, благодаря приобретенному опыту и знакомству с российским обществом, он оценил положение дел и настроения народа. В результате его первоначальное мнение об опасности для Японии продвижения Российской империи в Сибирь изменилось следующим образом:

¹⁵ Такидзава Макото. Хёдэн Утида Рёхэй. (Биография Утида Рёхэй). Токио, 1976, с. 130.

¹⁶ Утида Рёхэй. Кокурюкайдзин касю. (Собрание стихотворений членов Кокурюкай). Токио, 1934, с. 3.

¹⁷ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 41.

«Мораль в России находится на низком уровне, политика прогнила окончательно. Проявления недовольства народа контролируются и сдерживаются охранкой. Правящий класс считает задачей первостепенной важности лишь собственное возвеличение. Агрессия против других стран является единственной государственной политикой. Невозможно этого не заметить, даже не зная всех подробностей. Устранить противоречия во внутренней политике – дело непростое, здесь трудно добиться успеха.

Положение внутри страны, если случится хотя бы один срыв во внешней политике, станет настолько бедственным, что полностью исправить его будет невозможно. Это очевидно и без углубления в подробности российской жизни. Революционеры пользуются ситуацией в своих интересах и планируют свержение самодержавия. В ответ российское правительство усиливает тайную деятельность за границей и еще упорнее берет курс на внешнюю агрессию. Следовательно, Япония не сможет решить проблемы, имеющиеся в отношениях с Россией, дипломатическим путем, и тогда крупные столкновения неизбежны. Как раз сейчас, если между Россией и Японией возникнет конфликт, нет сомнения в том, что нашу армию ждет верная победа, а Россия, исходя из того положения, в котором страна находится сегодня, будет разгромлена»¹⁸.

Вывод о том, что «не стоит бояться России», Утида подкрепил следующими доводами.

«1. Создается впечатление, что руководители правительства, разрабатывавшие внешнюю политику и легко получавшие признание за выдающиеся заслуги, только её и рассматривают в качестве политики государства. Они игнорируют ситуацию внутри страны, хотя и считают необходимым подавлять нарастающее недовольство народа России царским режимом. Точнее, их не то чтобы вовсе не заботит внутреннее положение, но они считают невозможным полностью искоренить издавна накопившиеся пороки. Следовательно, правительство остро ощущает необходимость приглушить недовольство народа успехами во внешней политике. Если бы их планы хоть однажды провалились, создалась бы ситуация, которую невозможно было бы уладить.

2. Планирующие свержение царского режима революционные партии России знают о том, что правительство форсирует осуществление агрессивных планов против Маньчжурии, не учитывая опасность войны с Японией, и всячески способствуют развитию политики именно в этом направлении. Это объясняется их уверенностью в том, что планы России относительно Маньчжурии непременно встретят сопротивление со стороны Японии и провалятся. Тогда, получив поддержку народа, они смогут осуществить свои цели и свергнуть царский режим.

¹⁸ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 74.

3. Вследствие этого агрессия России в Маньчжурии неизбежно окажется ездой верхом на тигре¹⁹. Следовательно, усилия, направленные на разрешение связанных с Россией проблем дипломатическим путем, будут тщетными. Иного средства кроме войны не остается.

4. Морские и сухопутные силы России обладают военной мощью для проведения операций на Дальнем Востоке, но не смогут в полной мере ее использовать вследствие ограничений пространства и времени. Военное взаимодействие с Францией как союзником почти не подлежит обсуждению. Страх революции и стратегическое одиночество России, не имеющей мощного союзника для операций против Японии, осознаются обеими сторонами, и это также ослабляет военную мощь России. Если будет нанесен один сокрушительный удар с моря и с суши, то в России начнут нарастать антивоенные настроения.

5. Таким образом, на дальневосточном театре фактическая военная мощь России слабее, чем это кажется из статистических данных. Напротив, фактическая мощь вооруженных сил Японии больше, чем она выглядит в цифровом выражении. Тем не менее, если Япония будет сидеть сложа руки и спокойно смотреть на планы России в отношении Маньчжурии, существует опасность, что ситуация кардинально изменится. Следовательно, для Японии необходимым условием успешной войны против России является инициативность и выбор удобного момента для ее начала»²⁰.

Исходя из личного опыта, приобретенного во время путешествия по Сибири, Утида предсказал революцию в России и предугадал, что в результате японско-русской войны такая перспектива станет более реальной. Действительно, на второй год после начала войны с Японией 22 (9) января 1905 г. в Санкт-Петербурге произошло «Кровавое воскресенье», а в июне того же года восстание на броненосце «Потемкин» Черноморского флота.

Угроза революции, перед которой оказались сторонники войны в царской России, была достаточно велика. В этих условиях, а также учитывая помощь российским революционным партиям со стороны японского военного атташе в Санкт-Петербурге (позднее в Стокгольме) Акаси Мотодзиро, сведения и анализ ситуации, предоставляемые Утида Рёхэй, были чрезвычайно полезны²¹. Уверенный в том, что «не стоит бояться России», Утида 26 марта 1898 г. вместе с майором Нонака Кацуаки выехал из Санкт-Петербурга в Москву, снова пересек Сибирь и в середине июня прибыл во Владивосток, откуда месяцем позже вернулся на родину в Фукуока.

¹⁹ Поговорка, употребляемая для обозначения дела, которое невозможно прервать: если назидник слезет с тигра, он будет им съеден (Прим. пер.).

²⁰ Кокуси Утида Рёхэй дэн. (Биография патриота Утида Рёхэй). Токио, 1967, с. 157–158.

²¹ Кстати, Акаси родился в городе Фукуока и одно время был связан с Гэнъёся.

По итогам путешествия он опубликовал в журнале «Тоа дзирон», органе общества Тоадобункай, статью «Главные недостатки России с изнанки», проводя в ней мысль о том, что Россию следует знать и не следует бояться. Автор анализировал негативные моменты в российской политике и рассуждал об усилении революционных партий. «Ситуация в России напоминает езду на велосипеде: в случае остановки есть риск опрокинуться. Но если идти вперед, то, до какого предела? Продвижение России на Дальний Восток невозможно остановить путем дипломатических переговоров. Военное столкновение станет неизбежным. Наша страна (Япония) должна выступить неожиданным для неприятеля образом. Необходимо быстро подняться и начать сражение»²².

Утида Рёхэй и Кокурюкай

Выполнив в одиночку свой героический план и «прочесав» Сибирь, что потребовало изрядного мужества, Утида вернулся на родину, но уже в первой декаде августа 1898 г. вновь направился во Владивосток. На родину он вернулся в конце декабря того же года, получив телеграммы от лидера китайского революционного движения Сунь Ятсена и близких к нему японцев Суэнага Сэцу и Миядзаки Тотэн. С этого времени Утида занялся помощью китайским революционерам и борцам за независимость Филиппин.

В 1900 г., когда Россия, использовав Ихэтуаньское («боксерское») восстание в Китае²³, как повод для осуществления своих планов по оккупации Маньчжурии, заняла северо-восточную часть Китая – провинцию Шаньдун, возникла опасность столкновения между Россией и Японией. По этому поводу Утида говорил: «Направляясь в Маньчжурию, мы должны помнить о необходимости выступить против России только в наиболее подходящий момент»²⁴. Он предлагал создать ситуацию, для разрешения которой будут применены военные средства, что, в свою очередь, явится поводом для начала войны против дислоцированной в Маньчжурии русской армии.

Решив осуществить этот замысел на практике, Утида Рёхэй с группой единомышленников, включая Кудзуу, отправился в Маньчжурию, однако по прибытии в Пусан они получили приказ от властей покинуть Корею и вернуться домой. Замысел провокации против расположенных

²² Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 55.

²³ Ихэтуаньское восстание, известное так же как «Боксёрское восстание», – восстание ихэтуаней (буквально – «отрядов гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая, длилось с 1898 года по 1901 год. Сначала пользовалось поддержкой китайских властей, но через некоторое время императрица Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав (военный альянс, в который вошли Российская империя, США, Германская империя, Великобритания, Франция, Японская империя, Австро-Венгрия и Италия).

²⁴ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 77.

в Манчжурии российских войск провалился в силу запрета японского правительства²⁵. Отказавшись от ведения подрывной работы, Утида решил объединить потенциальных единомышленников для решения проблем, связанных с Россией. Так возникло Кокурюкай.

В конце 1900 г. прошли предварительные консультации о создании новой организации. 13 января 1901 г. на квартире Утида в токийском районе Кодзимати-сита собрались 20 человек, включая Кудзуу Ёсихи-са, Хираяма Аманэ, Одзаки Юкимаса, Ёсикура Осэй, Миядзаки Райки, Гондо Синдзи, чтобы обсудить главные задачи общества и его устав. Миядзаки составил проект декларации, в которой говорилось: «Подавив силы могущественных западных держав, вторгшихся в Азию, необходимо начать войну, цель которой – возрождение Азии. Для этого первой неотложной задачей является война с Россией и изгнание её войск из Азии. После этого необходимо разработать основу для развития азиатского материка вокруг объединения Маньчжурии, Монголии и Сибири»²⁶.

Утида вспоминал: «3 марта (1901 г.) в Канда-Нисикитё, в здании Кинкикан состоялась официальная церемония создания общества. Присутствовали 59 человек. Председательствовал Цукуда Синобу. Изложили цели, стоящие перед обществом. Обсудили устав. Приняли решение назвать общество Кокурюкай. 30 человек избрали членами совета. Наканиси Масаки, Хондзе Катахира, Такахаси Хидэоми и другие прочитали *норито*²⁷. Затем выступили с речами Цудзи Эй, Ито Умасаки и другие. Итак, 3 управляющих, 2 секретаря, 5 аудиторов и 30 членов совета»²⁸.

Таким образом, название Кокурюкай – «Общество реки Амур» отражает грандиозные замыслы организаторов, связанные с материком, в центре которого между Сибирью и Маньчжурией протекает река Амур.

В июне 1898 г., завершая путешествие, Утида Рёхэй спустился из Нерчинска в Хабаровск по Амуру, когда в Сибири была пора цветения. Повсюду, насколько можно было охватить взором пространство, по обе стороны реки буйно цвели множество цветов, названий которых путник не знал. Пробудившаяся природа встретила его в ослепительном наряде. Утида впервые оказался на этом великолепном празднике природы. «О!» – невольно вырвалось у него восхищенное восклицание. Его пронзило желание почтительно преклонить колени перед этим даром богов, и тогда он произнес в душе клятву: «Весь азиатский мир превратится в такой же цветущий сад. В этом наша миссия»²⁹. Название

Кокурюкай было дано обществу для того, чтобы увековечить принесенную в тот момент клятву.

Запрет «Информационного бюллетеня» и книги «Гибель России»

Через месяц после создания Кокурюкай начало выпускать «Информационный бюллетень» открыто антироссийской ориентации. В предисловии ко второму номеру мы видим недопустимые с точки зрения дипломатии высказывания: «Оценивая реальную мощь России, мы оцениваем выгоды войны для Японии». Далее говорилось: «По нашим наблюдениям, в отношении России можно заключить следующее. Основа российского государства – его промышленность – не развивается. Религиозная политика является главнейшей политикой правительства, в результате чего религия становится бедствием. Российское общество загнивает, система образования несовершенна, финансовая база слаба. Политика в упадке, управление железными дорогами в застое. В результате того, что Сибирью управляет Россия, здесь отсутствует современная система администрации. Размышляя о фактическом положении дел в России, понимаешь, что у нее множество проблем и что эта древняя и огромная страна становится препятствием на пути развития». По утверждению Кокурюкай, «мир не знает о том, что Россия нагоняет страх, пользуясь показными мерами», поэтому «не стоит бояться России»³⁰.

Кульминацией этих усилий должен был стать выпуск сочинения Утида «Гибель России», запланированный на сентябрь 1901 г. Однако чтобы избежать возможных политических осложнений японские власти немедленно запретили продажу книги, в которой пропагандировалась идея войны против России³¹. Во время неожиданного налета полиция изъяла все 5000 экземпляров. Запрету подвергся и второй выпуск «Информационного бюллетеня» Кокурюкай за пассажи вроде процитированного выше: «Оценивая реальную мощь России, мы оцениваем выгоды войны для Японии». Замечу, что в это же самое время появление книги социалиста Котоку Сюсуй «Империализм», в которой тот выступал против войны, не вызвало никаких проблем.

³⁰ Кокурюкай кайхо. Вып. 2 (1901), с. 38.

³¹ Характеризуя деятельность Кокурюкай как «намерение восстановить и неприязненно настроить японцев против русских и всего русского», российский военно-морской агент в Токио А. И. Русин в 1902 г. сообщал в Главный морской штаб: «Деятельность Амурского общества достигла своего апогея в прошлом году изданием брошюры под заглавием “Гибель России”, стремившейся доказать, что Япония в случае столкновения с Россией имеет все шансы на успех и потому должна без промедления вызвать войну. Брошюра была написана в таких резких выражениях, что японское правительство, вообще крайне снисходительное к подобным образчикам гласности (в особенности по адресу России), сочло нужным запретить и конфисковать издание, почему достать таковую брошюру трудно, разве за большую цену». Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А. И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 199, с. 62 (Прим. пер.).

²⁵ Тоа сэнкаку сиси кидэн. Т. 1, с. 678.

²⁶ Цит по: Хацусэ Рюхэй. Дэнтотэкина уёку Утида Рёхэй-но кэнкю. (Традиционный пра-
вий Утида Рёхэй). Фукуока, 1980, с. 70.

²⁷ Синтоистские молитвословия (Прим. пер.)

²⁸ Утида Р. Косэки годзюэнпу, с. 82.

²⁹ Цит. по: Кокуси Утида Рёхэй дэн, с. 133.

После запрета «Гибели России» Утида пересмотрел текст и исключил наиболее одиозные фрагменты, вроде пятой главы с оценкой вероятности военной победы Японии. Обновленный вариант под нейтральным заглавием «О России» вышел в ноябре того же 1901 г. и уже не вызвал цензурных преследований.

Сам автор писал о содержании своей работы: «Я уже не раз говорил о том, что ситуация в России напоминает езду на велосипеде: при остановке есть риск опрокинуться. При овладении обширными территориями вторжение в материковую часть Китая не сможет предотвратить действия сил, стремящихся к свержению российского правительства. Именно в случае такого положения вещей нам следует подняться на борьбу. Российская политика загнивает и разлагается. Если случится война Японии с Россией, результатом будет не только победа Японии, но и свержение правительства революционными партиями и падение Российской империи»³².

На основании своего видения ситуации Утида сделал вывод: «Российская империя похожа на Китай. Лет семь-восемь назад Китай тоже считался одной из сильных мировых держав, но в результате японско-китайской войны выяснилась поверхностность этого мнения и стала понятна реальная сила этой державы. Неудивительно, что подобным образом мы видим только внешнее величие России»³³.

Работа «О России» – результат не просто кабинетных размышлений, но опыта, приобретенного в течение четырех лет пребывания в России и путешествий по Сибири. Сам Утида говорил, что «приводя многочисленные факты, основываясь на цифрах, обосновывая победный исход войны с Россией», он способствовал формированию общественно-го мнения³⁴.

Солидарность японцев со славянами³⁵

«Я никогда не испытывал враждебных чувств по отношению к славянам, – заявлял Утида. – Не произносил резких, неприятных слов в их адрес, не писал подстрекательских текстов, не играл на чувствах японцев, содрогающихся от страха перед Россией. Я буду счастлив, если действия России внутри страны и на дипломатическом поприще будут гуманны. Человечество должно быть мирным. Поэтому неверно было бы считать, что я думаю только о тех опасностях, о которых писал».

Для книги «О России» характерны критика царского самодержавия и сочувствие революционерам, стремившимся свергнуть этот режим. Утида писал: «До сих пор многие русские революционеры собирались

в Вене, в Париже или в Лондоне, наблюдали за положением дел на родине из эмиграции. Однако они не достигли такой степени организованности, чтобы повсеместно подняться на борьбу, и страдают от того, что положение не меняется. Мы проливаем слезы от сочувствия к ним». Автор прямо призвал оказать им содействие: «Мы, руководствуясь соображениями гуманности, отдадим собственные рубахи ста тридцати миллионам русских, чтобы они смогли выполнить свои революционные задачи». Есть и такие признания: «По отношению к России, к русским у нас нет никаких дурных чувств. Грех лежит на русском правительстве. Мы с одинаковым сочувствием относимся к китайцам, корейцам, одинаково скорбим вместе с ними, и наши чувства к славянам ничем не отличаются от того, что мы испытываем по отношению к другим».

Так Утида Рёхэй, провозглашая солидарность японского и русского народов, произнес знаменитые слова: «Славяне, ваши друзья придут с Востока. Осознайте это и будьте спокойны». Он выразил надежду на то, что «дружба и согласие между японским народом и славянами будут становиться все глубже и глубже».

Имевший репутацию яростного русофоба, Утида Рёхэй на самом деле желал солидарности со славянами. Его антироссийские выступления – это выступления против царского режима. Он надеялся на то, что благодаря революции будет построена свободная Россия, центром которой станет Сибирь, а японцы и русские рука об руку пойдут по пути развития и процветания.

«Ни с точки зрения территориальных притязаний, ни с точки зрения политики мы не говорим «японская Азия», или «японская Россия», – развивал он свою мысль. – Однако если посмотреть с гуманной точки зрения, и Азия – японская, и Россия – японская. Почему? Потому что за 3000 лет, прошедших со времен прапредков, японцы не захватывали земель, принадлежавших другим людям, и строили свою жизнь, руководствуясь соображениями гуманности. У нашего народа есть только одно желание – чтобы любимая страна всегда оставалась независимой, а злых умыслов нет и в помине. С точки зрения гуманности это значит, что и славяне, и китайцы должны любить свою страну и нести за неё ответственность, как они несут её за воспитание своих любимых детей».

Утида утверждал, что «Европа не озабочена правами славян», поэтому стремление Японии, направленное на утверждение в России «цивилизованных прав», не является вмешательством в ее дела. При этом он еще более парадоксально заявлял: «Для достижения цели, каковой является революция в России, мы не отказываемся и от войны. <...> С помощью цивилизованной армии мы нанесём чувствительный удар по России и сокрушим варварские силы царской системы. Тогда угнетенный русский народ, быстро поднявшись по всей России, должен будет выразить японскому народу чувство благодарности. Это чрезвычайная мера для совершения революции в России».

³² Утида Рёхэй. Росия рон. (О России). Токио, 1901, с. 84.

³³ Утида Р. Росия рон, с. 22.

³⁴ В сб.: Син Росиакан. (Взгляд на новую Россию). Токио, 1927, с. 13.

³⁵ Все цитаты в данном разделе: Утида Р. Росия рон, с. 154–160.

Истинное лицо Утида становится понятным из следующего высказывания: «Предположим, что паче чаяния мы проиграли войну с варварской Россией. Тогда, спустя много времени, историки напишут в энциклопедиях: в начале XX века существовал японский народ. Японцы подняли войска на справедливую борьбу для того, чтобы оказать помощь несчастным русским, но в жестоком бою были разгромлены превосходящими силами противника. Это очень почетное поражение».

Открытие школы по изучению русского языка

Утида Рёхэй считал необходимым воспитывать кадры со знанием русского языка. Поэтому в декабре 1901 г. он открыл школу русского языка Кокурю гокакко при токийской средней школе Канда, находящейся в районе Канда-Нисикитё, поблизости от штаб-квартиры Кокурюкай. «В нашей стране по-прежнему чрезвычайно мало людей, изучающих русский язык. Это прискорбное обстоятельство не может не вызывать сожаления, поэтому я решил открыть школу»³⁶, — объяснял он свое начинание.

Уже в № 7 первого тома журнала «Кокурю» (ноябрь 1901 г.) появилась его статья «О необходимости создания языковой школы при Кокурюкай». Автор едко критиковал японских дипломатов за незнание языка могущественного соседа: «Если среди наших дипломатов и находятся те, кто говорит по-русски, уровень у них хуже, чем у бродящих по Сибири японских проституток. Человек, плохо говорящий по-русски, имеет в России жалкий вид». «Не зная языка, невозможно разобраться в ситуации, — продолжал он. — Незнание ситуации порождает подозрительность и недоверие. Усиление подозрительности приводит к враждебности. Недобрые чувства японцев к русским — результат незнания языка»³⁷.

В мае 1902 г. языковая школа при Кокурюкай переехала в здание штаб-квартиры общества, а ежемесячная плата за обучение была отменена. Там обучались более 50 человек, а среди преподавателей был сам Утида. Упор делался на ускоренное интенсивное обучение, поэтому уроки были трудными и насыщенными. В основу программы были положены популярные учебники Д. И. Тихомирова. Занятия проводились с 6 часов вечера и длились три часа, причем учебный процесс не прерывался ни зимой, ни летом. Отличившихся учеников Кокурюкай командировало в Россию для продолжения обучения, но в феврале 1904 г., после начала японско-русской войны, школу пришлось закрыть³⁸.

До открытия школы Утида поместил в четырех выпусках журнала «Кокурю» (август-ноябрь 1901 г.), в конце каждой книжки тексты

«Японско-русского разговорника» (с началом работы школы их печатание было прекращено). В предисловии он писал: «Вследствие тенденций времени необходимость знания нашими соотечественниками русского языка возрастает с каждым годом. Просмотрев имеющиеся учебники по русскому разговорному языку, я обнаружил, что среди них много вредных, запутанных, ориентированных на механическое заучивание. Занятиям по практическому использованию уделяется мало внимания, да и то в последнюю очередь».

Утида знал, о чем говорил. «На основе собственного опыта пребывания в Сибири я разработал способ, благодаря которому можно быстро и легко овладеть русским». Что это за способ? «Я начинаю обучение с самых необходимых слов, затем постепенно перехожу к трудному словоупотреблению и грамматике. Моя цель заключается в том, чтобы при занятиях не тратить понапрасну время и силы, с легкостью овладевать русским языком, так чтобы не испытывать затруднений во время путешествий и не чувствовать скованности в обычной беседе»³⁹.

Автору настоящей статьи удалось овладеть русским языком именно так, как об этом писал Утида Рёхэй. Это даёт мне основания говорить о результативности «метода Утида».

Создание Японско-российского общества

В сентябре того же 1901 г., когда было создано Кокурюкай, Утида Рёхэй решил организовать Японско-российское общество. Для того чтобы сделать его влиятельным, необходимо было заручиться одобрением и поддержкой высокопоставленных персон. С этой целью Утида нанес визит влиятельнейшему японскому политику того времени Ито Хиробуми, неоднократно занимавшему пост премьер-министра, а также известному как основной автор и комментатор конституции Японии. Цель своего предприятия он объяснил следующим образом: «Оставим в стороне вопрос, будет война или нет, вообще вопросы войны и мира, не будем делать проблему из того, как и что, до или после войны. Остановимся на том, что Японско-российское общество должно быть органом культурного обмена между двумя странами. Если, к счастью, не случится войны, оно будет способствовать развитию и упрочению японско-русских дружеских отношений. Если же, к несчастью, разразится война, то ассоциация, не концентрируя внимание на её результате, не делая проблемы ни из победы, ни из поражения, будет разрабатывать пути установления дружеских отношений после войны, выполняя тем самым важную миссию»⁴⁰. Выслушав объяснение, Ито не только одобрил план, но и порекомендовал своим влиятельным сторонникам — бывшему вице-министру иностранных дел Цудзуки Кэйроку и бывшему

³⁶ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с 84.

³⁷ Кокурю. Т. 1. № 7. (Ноябрь 1901), с. 1–3.

³⁸ Нихондзин то росиаго. (Японцы и русский язык). Токио, 2000, с. 56–57.

³⁹ Кокурю, т. 1, № 4, (август 1901), с. 1–2.

⁴⁰ Кокуси Утида Рёхэй, с. 161–162.

министру юстиции Канэко Кэнтаро – принять участие в его осуществлении.

Японско-российское общество было официально создано в 1902 г. при ближайшем участии Утида. Однако на первый план выдвинули более известных и санных людей. Первым председателем стал бывший посланник в Санкт-Петербурге Энмото Такэаки. В правление вошли начальник политического департамента министерства иностранных дел Накада Таканори, профессор русского языка из Токийского института иностранных языков Судзуки Ухэй, драматург Осада Сюто и сам Утида.

Замечу, что официальная история Японско-российского общества считает годом его создания 1907 г., а началом активной деятельности – 1911 г.⁴¹ До начала войны в 1904 г. общество, действительно, успело сделать немного. Затем оно было вынуждено приостановило работу, но возобновило её уже в 1906 г. Позднее при нем была открыта школа русского языка, которая в 1920 г. была преобразована в Харбинский институт (Харбин гакуин) в Маньчжурии.

Послевоенное примирение

Активисты Кокурюкай и сам Утида Рёхэй, считавшийся сторонником войны против России, резко критиковали политику японского правительства, которое недооценивало опасность ухудшения двусторонних отношений. Позднее Утида подвел итог своим мыслям по данному вопросу в брошюре «Кризис в отношениях с Россией», выпущенной от имени Кокурюкай как программный документ. «Высокопоставленные чиновники из японского правительства несут ответственность за то, чтобы Япония существовала всегда, поэтому они должны понимать, что закулисные махинации России не могут не закончиться войной. Именно мы, видя каковы действия этих высокопоставленных лиц из японского правительства, должны решить, как следует действовать. Следовательно, излагая здесь наше мнение, мы сообщаем его и высокопоставленным господам из японского правительства. Если они решатся на нанесение сокрушительного удара по России, эта заслуга будет приписана не только народу, но и им. Высокопоставленные чиновники будут отмечены в истории. Тогда и они, и политики, представляющие разные партии, будут причислены к тем, кому на самом деле принадлежат эти заслуги.

Аристократия, промышленники и деловые люди тоже входят в число тех, на кого они опираются. Но сегодня наступила пора, когда каждый шаг, каждое движение чиновников должны быть предметом внимания со стороны общественности. Если в результате тайных действий

этих господ будет упущен момент для нанесения удара по России, основе, на которой стоит Япония, грозит кризис», – писал он, призывая единомышленников всячески пропагандировать сказанное»⁴².

Для того чтобы в случае цензурного запрета невозможно было бы конфисковать весь тираж брошюры, она была отпечатана в Корее, в Пусане, где находился зарубежный штаб Кокурюкай. Это символично, ибо Утида старался оперировать масштабами всей Азии: «Сегодня, говоря о русских, мы можем говорить только о войне. Если мы упустим момент, когда следует развернуть военные действия, русские, в конце концов, разграбят Азию. Меры, принимаемые государственными чиновниками, ни к чему не приведут, и русские обманут нас. Ситуация, сложившаяся в настоящее время, не может закончиться мирными переговорами и отводом войск из Маньчжурии. Желательно, чтобы правительственные чиновники прилагали все усилия для поддержания мира на Востоке и для обеспечения государственной безопасности перед лицом угрозы со стороны России»⁴³.

Кокурюкай призывало к скорейшему принятию решения о войне с Россией. Острое чувство кризиса, подкрепленное личным опытом, подсказывало Утида, что если начало войны затянется хотя бы на день, то по причине усиления мощи России удобный момент будет упущен, и шансы Японии на победу станут весьма сомнительными.

С началом японско-русской войны Кокурюкай выпустило «Новые карты Маньчжурии и Кореи», брошюры «О ведении войны с Россией», «Маньчжурия летом», «Армейские дневники» и другие. Среди единомышленников и представителей властей распространялась не поступившая в открытую продажу брошюра «Мое видение ситуации в Японии», в которой Утида под псевдонимом «Член Кокурюкай» изложил свои соображения о ходе и итогах конфликта, которые могут показаться парадоксальными.

«Пассивная политика заключается в том, чтобы не дать русским продвинуться на юг и не позволить ни на один шаг приблизиться к береговой линии Японии. В такой ситуации Сибирская железная дорога перестанет быть полезной, и прибылей от торговли не будет.

Активная политика заключается в том, чтобы даже если Россия достигнет японской береговой линии и попытается наладить торговлю, допустить это и дать ей возможность добиться успехов. Однако в этом случае подходы к России с юга должны быть в руках японцев. Это даст толчок к развитию Сибири. Торговля, рыболовство и пр. станут выгодны Японии и начнут бурно развиваться. Если нам представится возможность выбрать из этих двух политик, то лучше отказаться от пассивной и выбрать активную политику». Иными словами, вместо того чтобы

⁴¹ См.: *Томита Такэси*. Сэнканки-но ниссо канкэй, 1917–1937. (Японско-советские отношения межвоенного периода, 1917–1937). Токио, 2010, с. 218, 389.

⁴² Тайро-но кики. (Кризис в отношениях с Россией). Токио, 1906, с. 51–52.

⁴³ Тайро-но кики, с. 25.

отталкивать или изгонять русских, лучше вступить с ними в контакт с позиций активного сотрудничества и налаживать взаимоотношения через торговлю.

«Если бы взявшись за руки, взаимно радоваться добрососедским отношениям! – продолжал автор. – Если бы находящаяся сегодня в состоянии войны с нами, Россия стала дружественной страной. Пользуясь тем, что Япония и Россия воюют, великие державы, прибегая к разным уловкам, пытаются получить прибыли от рыболовства и способствуют беспорядкам в Азии. Нетрудно догадаться, что они враждебны нам и пытаются нарушить мир в нашей стране»⁴⁴.

Цель Утида и Кокурюкай, призывавших к войне с Россией, заключалась в том, чтобы изгнать ее колониальное господство из Манчжурии, Сибири и с Камчатки, но не в том, чтобы враждовать с русскими. Он настойчиво повторял, что для японско-русского сосуществования и совместного процветания эти районы необходимо осваивать и развивать общими усилиями.

В 1905 г. президент США Т. Рузвельт оказал содействие в примирении Японии и России. По этому поводу Утида, обращаясь к Ито Хиробуми и тогдашнему премьер-министру Кацура Таро, заявил: «Полководец Такэда Сингэн говорил: «Победа в войне, если она одержана на 60 процентов, может считаться полной победой». Война с Россией уже принесла более 60 процентов победы. Если продолжать войну дальше, силы нашего государства будут истощены. Россия тоже будет повержена и великие державы – Англия, Германия, Америка хлынут в Китай. Ничего умного в этом нет. Как говорит пословица, “защищаясь от волка, стоящего перед воротами, можно быть съеденным тигром, стоящим за воротами”. Таким образом, сейчас наилучший момент для заключения перемирия с Россией». В ответ Ито сказал: «Если ты считаешь перемирие правильным решением, то поезжай по стране и просвети на этот счет народ. Это принесет пользу государству». Он не только одобрил инициативу Утида, но и снабдил его деньгами для поездки на северо-восток страны, в район Тохоку»⁴⁵.

Истинные намерения Утида в деле пропаганды скорейшего перемирия не шли вразрез с позицией общества относительно необходимости войны с российским самодержавием. Кокурюкай было влиятельнейшим членом объединения антироссийских организаций, куда входили Клуб сакура (Сакура курабу), Народная партия молодежи (Сэйнэн кокуминто), Коко курабу (Клуб рек и озер), Досикися курабу (Клуб единомышленников-журналистов), Кова мондай доси рэнгокай (Союз единомышленников по проблеме перемирия), и не собиралось его покидать. Однако Кокурюкай не поддержало движение против Портсмутского

мирного договора, как «недостаточного» для Японии, поскольку считало нужным умерить пыл опьяненных победой масс.

5 сентября 1905 г., в день заключения договора, в токийском парке Хибия вблизи императорского дворца начались митинги недовольных. Отряды запретившей собрания полиции ворвались в толпу, что вызвало жестокие столкновения. Утида не участвовал в событиях, так как находился на приеме в честь приехавшего в Токио американского железнодорожного магната Э. Гарримана, где демонстрировал приемы дзюдо. Кроме того как раз в это время он был занят переводом штаб-квартиры Кокурюкай из Акасака-Хинокитё в Адзабу-Тансутё. Тем не менее полиция попыталась выставить Утида зачинщиком инцидента в Хибия, изготавив фальшивую фотографию, на которой он выглядел так, словно руководил бунтарями, и его попытались арестовать.

После японско-русской войны

После японско-русской войны, в период Первой мировой войны и формирования революционной ситуации в России, Утида Рёхэй продолжал пропагандировать сближение двух стран: «Наш народ по своему характеру из всех народов мира имеет более всего общих черт со славянами, а именно с русскими. Прямота, которая считается национальной чертой японцев, наиболее роднит нас именно с русскими»⁴⁶.

После большевистской революции Утида поначалу поддерживал «белых», особенно атамана Г. М. Семёнова, в войсках которого служили добровольцами более десятка членов Кокурюкай. Однако, когда «красную» Россию поразил страшный голод, он счел необходимым помочь пострадавшим и в октябре 1922 г. опубликовал от имени Кокурюкай брошюру «Правда о голоде в России», в которой обратился к японскому народу с призывом помочь России продуктами, одеждой, медикаментами: «Помощь голодающим – вопрос человеколюбия, он не связан с политикой. С точки зрения современных международных отношений, мы живем в странах с разным государственным строем. Но вопрос “нравится” или “не нравится” здесь не при чем»⁴⁷. Однако японское правительство все еще не признавало советскую власть.

В ноябре 1922 г. Утида направил в Пекин члена Кокурюкай Комаи Ёсидзиро для встречи с советским полпредом в Китае А. А. Иоффе, чтобы обсудить с ним вопрос о возможности нормализации двусторонних отношений. В предисловии к составленному Комаи «Отчету о встрече с г-ном Иоффе» Утида отметил: «Японско-российские переговоры в Дайрене и Чаньчуне дважды были прерваны, но они непременно

⁴⁴ Вакёку сиан. (Мое видение ситуации в Японии). Токио, 1905, с. 2–3.

⁴⁵ Утида Р. Косэки годзюэнзю, с. 101.

⁴⁶ Утида Рёхэй. Нитиро синдзэн-но соин. (Первопричина японско-русской дружбы) // Нитиро дзицугё симпо. 1916. № 7, с. 15; Барышев Э. Нитиро домэй дзидай, 1914–1917 нэн. (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.). Фукуока, 2007, с. 336.

⁴⁷ Росиа кига-но синсо. (Правда о голоде в России). Токио, 1922, с. 2.

но начнутся в третий раз. Это произойдет в не столь отдаленном будущем, но если итог окажется столь же неутешительным, обеим странам останется только сожалеть об этом»⁴⁸.

В том же месяце Утида составил «Меморандум о формировании государственной политики», в котором писал: «Поскольку суверенитет над Сибирью принадлежит России, то вопрос о переселенцах туда из числа крестьян, так же как и вопросы развития торговли и промышленности, необходимо решать по договоренности с Россией. Однако после произошедшей в России революции существует проблема разрыва дипломатических отношений, и в настоящее время двусторонние действия невозможны. Поэтому необходимо в ближайшее время восстановить дипломатические отношения с Россией и создать условия для передвижения лиц, занятых в сельском хозяйстве, рыболовстве, торговле, в разных отраслях промышленности, в том числе горнодобывающей, и пр. При этом я думаю, что наиболее важно, опередив великие державы, получить приоритет в отношениях с Россией. Японские власти в ближайшее время еще раз должны подумать о том, каким образом можно вести переговоры с Россией»⁴⁹.

Фамилия Утида не фигурирует в списке участников собрания «инициаторов нормализации японско-русских отношений и их единомышленников», устроенного 2 июня 1923 г. в токийском ресторане «Цукидзи Сэйкэн». Но там мы видим имя бессменного члена Кокурюкай и его второго председателя Кудзуу Ёсихиса – правой руки Утида Рёхэй во всех делах⁵⁰. Когда 20 января 1925 г. Токио и Москва, наконец, восстановили дипломатические отношения и заключили договор об основных принципах взаимоотношений (Пекинская или Основная конвенция), Утида откликнулся следующим образом: «Конечно, заключение этого договора радостное событие, но, к великому сожалению, оно произошло поздно»⁵¹.

Что он имел в виду? Прежде всего, Вашингтонское морское соглашение 1922 г., которое ограничило размер японского военного флота в пропорции 3:5:5 по отношению к флотам США и Англии. Затем дискриминационные законы против японских иммигрантов, принятые в США в 1924 г. Кокурюкай резко выступило против решения правительства подписать морское соглашение и смириться с антияпонскими

иммиграционными законами. Именно это имел в виду Кудзуу, когда говорил: «Широко распространенное в Англии и Америке мнение о том, что в результате японско-советского соглашения СССР поможет Японии, не соответствует действительности, поскольку очевидно, что исходя из внутривосточной и экономической ситуации, у СССР для этого нет возможностей. Поэтому можно сказать только то, что даже если начнется японско-американская война, СССР не предпримет в интересах Японии ничего такого, что не будет выгодно ему самому. Помощь будет пассивной. Однако даже это для Японии будет очень выгодно. Следовательно, происходящая сейчас нормализация японско-советских отношений, способствует их приоритету над отношениями с Англией и Америкой»⁵². Таким образом, идеолог Кокурюкай оценивал установление дипломатических отношений между Токио и Москвой с антиамериканских и антианглийских позиций.

Заключение

Взгляд Утида Рёхэй на Россию стал результатом его личного опыта, в том числе путешествий по Сибири и Дальнему Востоку, Маньчжурии и Корейскому полуострову. Осознав неизбежность японско-русской конфронтации, он настоятельно убеждал свое правительство в том, что мощь России – в Сибири и что прежде чем осуществлять военное планирование необходимо принять принципиальное решение о войне.

В России Утида увидел бедственную картину жизни крестьян и рабочих в условиях самодержавия и деятельность революционных партий, которые стремились свергнуть этот режим. Именно с ними он связывал свои надежды, заявляя: «Славяне, ваши друзья придут с Востока. Уясните это и будьте спокойны».

Говоря о сходстве японцев и славян, Утида был уверен, что для взаимопонимания между народами необходимо знать языки друг друга, поэтому он открыл при Кокурюкай школу русского языка, и этот факт не следует забывать.

Выступив инициатором создания Японско-русского общества, Утида думал о том, как избежать войны, а если война все-таки начнется, как поскорее заключить перемирие и перейти к развитию взаимовыгодных, прежде всего экономических и торговых отношений.

После победы большевистской революции и создания Советского Союза, когда японское правительство отказывалось признавать государство с иной политической системой, Утида считал, что даже при различии социального строя отсутствие дипломатических отношений между странами-соседями – явление негативное. С помощью членов Кокурюкай он пытался нащупать пути к возможной нормализации отношений с Москвой через личные контакты с советскими представителями.

⁵² Там же. Ч. 3 (26.01.1925).

⁴⁸ Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй). Т. 6. Токио, 1994, с. 72.

⁴⁹ Утида Рёхэй канкэй бунсё. Т. 6, с. 85.

⁵⁰ Архив МИД Японии. Нитиро кокко кайфуку косё иксэн. Токё-ни окэру ёби кайги. Дзёхобу сёкан-но бу. (Материалы переговоров о восстановлении японско-русских отношений. Предварительные переговоры в Токио. Материалы департамента информации). 2-5-1 / 106-4-5.

⁵¹ Нитиро косё сэйрицу-ни кансуру найгайдзин-но кансо. (Мнения японцев и иностранцев об установлении японско-русских отношений). Ч. 5 // Там же. 2-5-1 / 106-4-2 (02.02.1925).

На основании этого мы можем сделать вывод, что считавшийся русофобом Утида Рёхэй на деле стремился к установлению дружеских отношений между Японией и Россией. Вопреки репутации антиросийски настроенного деятеля, он пытался найти пути для сотрудничества двух народов и оставался борцом за идею единой Евразии.

Из истории периодической печати Японской Православной Церкви

Э. Б. Саблина

Уважаемый читатель! У Вас в руках, юбилейный, номер Ежегодника «Япония». 40 лет выходит он в свет. Несколько поколений японоведов рассказывают на его страницах о своих исследованиях в различных областях жизни страны-соседа, тем самым способствуя развитию и укреплению российско-японских отношений.

В мае нынешнего, 2012 г., прошёл буднично незамеченным ещё один юбилей: вышел в свет 1460 (тысяча четыреста шестидесятый !) номер «Православного вестника» (Сэйкё Дзихо) – издающегося с 1880 г. ежемесячного журнала Японской Православной Церкви.

Национальная Японская Православная Церковь, ставшая ветвью мирового православия, является результатом 50-летней деятельности в стране, бывшей поначалу враждебной христианству, Святителя Николая Архиепископа Японского, выдающегося учёного-японоведа, почётного члена Русско-Японского Общества и Императорского Общества Востоковедения. В 2012 г. отмечается 100-летняя годовщина со времени кончины Архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина).

Летом 1861 г. 25-тилетний иеромонах Николай прибыл в Хакодате в качестве священника церкви учреждённого там несколькими годами ранее российского консульства во главе с И. А. Гошкевичем. С первых лет пребывания на дальневосточной земле Николай пришёл к убеждению, что между Японией и Россией нет поводов для разногласий. «Всё, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересоваться Россию как непосредственную соседку её на крайнем востоке. Оба государства....совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрёстных дорогах и не мешать одно другому»¹.

Будучи свидетелем глубоких перемен, происходивших в Японии, Николай предчувствовал, что его ожидает широкое поле деятельности, и в 1869 г. он отправился в Петербург хлопотать перед Святейшим Синодом об открытии православной миссии в японской столице, куда он переехал из Хакодате в 1872 г. С отменой антихристианского законода-

¹ Древняя и новая Россия. СПб., 1875, №10, с. 228–229.